Г.Г. Косач

Изз ад-Дин аль-Кассам: герой, разъединяющий палестинцев

Человек, которого звали Мухаммад Изз ад-Дин бин Абдель Кадер бин Мустафа аль-Кассам (или, как его обычно называли, — Изз ад-Дин аль-Кассам), — *шахид*, в ноябре 1935 г. погибший в стычке с полицией. Смерть превратила его в борца против сионистской поселенческой деятельности и британской мандатной администрации.

I

19 ноября 1935 г. пресс-служба мандатной администрации распространила сообщение о столкновении полиции с вооруженной группой в районе деревни Яабад. В нем говорилось: «На севере *казы* Наблус появилась банда злодеев из числа молодцов (*исаба мин аль-ашкия аш-шуббан*). …Осуществляя операцию, полицейские подверглись обстрелу со стороны ближайшей к деревне …рощи. Выстрелы преступников (*аль-муджримин*) убедили полицейских в том, что банда вооружена. …Четверо членов банды были убиты, а пять других схвачены. …Среди убитых — шейх Изз ад-Дин аль-Кассам. …Шейх Изз ад-Дин аль-Кассам, который в начале этого месяца покинул место своего постоянного проживания в Хайфе, был организатором и главой уничтоженной банды» [аль-Хут, 1981, с. 748].

Имя человека, служившего в хайфской мечети аль-Истикляль («Независимость»), имя кумира местных молодцов-*шуббан*, объединенных созданным им Клубом мусульманской молодежи — *Нади аш-шуббан аль-муслимин* [Там же, с. 318–320], стало известно всей арабской Палестине. Всей стране стали известны и имена его соратников-*шуббан*. Это были потерявшие землю (купленную сионистскими трестами у арабских владельцев-*абсентеистов* или реквизированную мандатными властями) крестьяне из Галилеи и Самарии, мигрировавшие в крупнейший город-порт подмандатной территории, где они

пополняли местное полукриминальное «дно». Читая (или слушая) новость о ликвидации шейха аль-Кассама и сопровождавших его *шуббан*, арабо-палестинское сообщество воспринимало ее иначе, чем того хотела официальная власть.

Публикуя 20 ноября сообщение пресс-службы мандатной администрации, газета «Аль-Джамиъа аль-ислямийя», выражавшая точку зрения руководимого муфтием Палестины аль-Хаджем Амином аль-Хусейни Высшего мусульманского совета, сопровождала это сообщение заголовком: «*Грандиозное сражение* между *группой ведущих джихад* (*усба аль-муджахидин*) и полицией». Едва заметная орфографическая правка превращала *исаба* в *усба*, и *банда* становилась *отрядом*, ведущим *священную войну*. Один из авторов «Аль-Джамиъа аль-ислямийя» в опубликованной им 21 ноября в этой газете статье замечал: «Официальное сообщение назвало их “бандой злодеев”, для нас, для нашего дела они останутся отрядом героев-мучеников (*усба аш-шухада*)».

22 ноября 1935 г. та же «Аль-Джамиъа аль-ислямийя» писала об *истишхад* — т.е. «мученичестве» аль-Кассама как о «трагедии, потрясшей всю Палестину». Днем ранее выходившая в Яффе газета «Фалястын», выражавшая оппозиционную точку зрения по отношению к семье А. аль-Хусейни, группировавшейся вокруг клана ан-Нашашиби, рассказывала: «Когда *повстанцев* (*саирун*) окружили, один из полицейских призвал их сдаться. Аль-Кассам громко ответил ему: “Мы не сдадимся. Мы *встали на путь джихада* во имя Господа и родины”. Обернувшись к своим товарищам, шейх сказал им: “Умрите *мучениками* за страну”».

В Палестине второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. «злодеи», действовавшие против еврейских поселенцев и полицейских сил мандата и провозглашавшие методом своей борьбы *джихад*, были обычным явлением. «Банда», во главе которой находился шейх аль-Кассам, не была первой [Lachman, 1982, p. 56]. Но аль-Кассам появлялся в то время, когда он был нужен, — в середине мая 1936 г. нараставшая напряженность взорвалась всеобщей арабской забастовкой, которая переросла в продолжавшееся до 1939 г. восстание. Арабо-палестинское сообщество требовало появления героя, разящего тех, с кем оно вступало в схватку — *ишувом*[1] и «поддерживавшей» его державой-мандатарием.

21 ноября 1935 г. шейх аль-Кассам был предан земле на кладбище в прилегавшей к Хайфе деревне Баляд аш-Шейх [Benvenisti, 2000, p. 297]. На следующий день «Аль-Джамиъа аль-ислямийя» писала: «Вчера в Хайфе хоронили шейха аль-Кассама и его товарищей. …Город был охвачен всеобщей забастовкой, в него стекались прощавшиеся с Изз ад-Дином аль-Кассамом жители окрестных городов и деревень. …От мечети аль-Истикляль процессия направилась к мечети ан-Наср,

1 | Еврейское население Палестины времени до 1948 г., а также созданные им общественно-политические, культурные и экономические институты.

сопровождаемая музыкой скаутов и громкими возгласами провожавших. Приблизившись к зданию полиции, участники процессии забросали его камнями, а затем напали на английских солдат, стоявших в оцеплении» [аль-Хут, 1981, с. 320–321]. По данным хайфской полиции, на траурную церемонию в мечети ан-Наср собралось не менее 3000 человек [Milton-Edwards, 1999, p. 19]. Они верили в то, что вступили на «путь аль-Кассама», который говорил одному из своих соратников: «Я уверен в себе. Мой голос породит эхо, которое будет слышно повсюду» [аль-Хут, 1981, с. 235–236].

II

Шейх Изз ад-Дин аль-Кассам родился, видимо, в 1871 г.[2] в «деревне Джабла» неподалеку от Латакии — города на Средиземноморском побережье современной Сирии [Lachman, 1982, p. 59]. В Хайфу он прибыл в феврале 1922 г. Впрочем, и эта дата относительна, — ею мог быть и апрель 1921 г. [Porath, 1977, p. 133].

Миф формировал историю жизни шейха аль-Кассама до его прибытия в Хайфу. Он — «выходец из состоятельной и даже …просвещенной и культурной семьи» [Носенко, Носенко, 1977, с. 186]. Он «родился в известной суфийской семье» [Milton-Edwards, 1999, p. 13], «по своему происхождению был представителем среднего класса» [аль-Хут, 1981, с. 318]. Лишь один из авторов, писавших об этом человеке, сообщал, что отец аль-Кассама «шейх Абдель Кадер аль-Кассам был бедным человеком, учившим детей Корану в *куттабе*» [Lachman, 1982, p. 59].

Важной вехой в жизни аль-Кассама все писавшие о нем считают учебу в каирском университете аль-Азхар, где он испытал воздействие идей египетских или проживавших в Каире мусульманских просветителей и реформаторов. Российские авторы говорят о том, что «в аль-Азхаре Аль-Кассам учился у …Мухаммеда Абдо» [Носенко, Носенко, 1977, с. 188]. В этом не сомневается и палестинский автор: «В аль-Азхаре он был одним из учеников шейха Мухаммада Абдо» [аль-Хут, 1981, с. 319]. Английский автор осторожнее: «Его пребывание в Каире совпадало по времени с эпохой, когда идеи мусульманских модернистов — Джамаля ад-Дина аль-Афгани …Мухаммада Абдо …и Рашида Риды …о том, как исламская мысль должна встретить вызовы и перемены, связанные с западной гегемонией на Ближнем Востоке, были предметом жарких дискуссий» [Milton-Edwards, 1999, p. 13–15].

Оказавшись в Хайфе, аль-Кассам стал «преподавателем местной мусульманской школы», и, сообщая об этом, израильский исследователь писал, что это стало возможным потому, что аль-Кассам «оказался значимым *алимом*» [Porath, 1977, p. 133]. Он стал «одним из подписав-

2 | В свою очередь, Й. Порат сообщал, что дата его рождения «1881 или 1880 г.» [Porath, 1977, p. 133].

ших обращение мусульманских нотаблей Хайфы к верховному комиссару (Герберту Самюэлю. — *Г. К.*) в поддержку назначения Амина аль-Хусейни на пост иерусалимского муфтия» [Mattar, 1988, p. 23–28], что в дальнейшем позволило ему стать «проповедником, назначенным Высшим мусульманским советом в …мечеть аль-Истикляль» [Porath, 1977, p. 133]. Эти сведения не опровергались его соотечественником, отмечавшим, что «в Хайфе Изз ад-Дин аль-Кассам был тепло принят местными лидерами и стал участвовать в жизни арабского сообщества Палестины» [Lachman, 1982, p. 60].

Однако палестинская коллега обоих израильских исследователей не упоминала о контактах аль-Кассама с ведущими фигурами арабской Хайфы, подчеркивая его «полное неприятие материальных выгод», как и его «внимание к выходцам из класса трудящихся (*аттабака аль-кадиха*)». Ее сообщение о месте, которое аль-Кассам занимал в мусульманской иерархии Хайфы — «регистратор шариатских браков — *маазун шаръий*», не позволяет считать его участником принятия решений, касающихся жизни мусульман Хайфы. По словам того же автора, «до 1935 г. жители Хайфы знали Изз ад-Дина аль-Кассама» только как «благочестивого человека, создателя Клуба мусульманской молодежи» [аль-Хут, 1981, с. 319].

Широкий спектр точек зрения, связанных с аль-Кассамом, — отражение внутренних противоречий арабо-палестинского национального движения, возникавших сразу же после создания подмандатной Палестины, когда реализация Декларации Бальфура придавала новые импульсы процессу становления *ишува*. Итогом возникавшей ситуации стало расслоение «арабо-сирийского» национального движения, в рядах которого возникало его арабо-палестинское ответвление. Выходя из тени своего «сирийского» предшественника, его арабо-палестинское ответвление видело себя его продолжением, сохраняя прежнюю «арабскую» риторику. Палестинские партии 1930-х гг. вне зависимости от того, шла речь об Арабской палестинской партии семейства аль-Хусейни [Там же, с. 307–310], прохашимитской Партии независимости [Там же, с. 268–277] или поддерживавшейся кланом ан-Нашашиби Партии национальной обороны [Там же, с. 301–307], оставались клубами «арабо-сирийских» националистов, продолжавших видеть в Палестине «Южную Сирию».

Усилиями Великобритании палестинские нотабли включались в систему управления Палестиной — эта держава нуждалась в создании признанных арабо-палестинским сообществом структур (пост иерусалимского муфтия, Высший исламский совет, Исполком Высшего арабского комитета), на которые могла бы опираться мандатная администрация. Поддержка Г. Сэмюеля позволила А. аль-Хусейни стать муфтием Иерусалима и возглавить Высший исламский совет [Mattar, 1988, p. 19–27], а в дальнейшем и Исполком Высшего арабского комитета, став религиозным и национальным лидером его сообщества, а Рагибу

ан-Нашашиби занять пост мэра Иерусалима. Гарантом господства знати в арабо-палестинской политике выступала Великобритания.

Свое «национальное содержание» Палестина обретала благодаря *ишуву*. Важнейшим маркером арабо-палестинского национального движения был антисионизм, — значение этого маркера усиливалось по мере увеличения иммиграции и развития еврейско-палестинского сообщества, далекого от того, чтобы втягивать в сферу своей деятельности арабов. Но если эпоха между двумя мировыми войнами была временем роста потенциала *ишува*, превращавшегося в *государство в пути*, то для его арабского антагониста это был период экономической стагнации и социальной деградации [аш-Шариф, 1985, с. 188–189].

Деревенское, основанное на патриархальных связях и религиозное арабское сообщество Палестины разрушалось, а итогом этого разрушения выступало включение в национальное движение люмпенизированных «низов», требовавших ликвидации *ишува* и свержения чужеземной власти. Их точка зрения оформлялась не традиционными нотаблями, являвшимися и лидерами институционального ислама, а выходцами из того слоя религиозной иерархии, который представлял шейх аль-Кассам. Но мог ли он стать в 1930-е гг. «героем» национального движения?

III

Казалось бы, ответ на этот вопрос был дан церемонией похорон аль-Кассама, как и публикациями в арабо-палестинской прессе. В этих публикациях речь шла не только о нем, — в них говорилось и о *шуббан*, а предложенная аль-Кассамом форма их организации выглядела как наиболее эффективный инструмент сопротивления.

21 ноября 1935 г., «Аль-Джамиъа аль-ислямийя» опубликовала беседу ее корреспондента с плененным полицейскими раненым членом группы аль-Кассама Н. ас-Саади. Он говорил: «Наш отряд (*исабатуна*) был создан два года назад во главе с шейхом аль-Кассамом. …Месяц назад мы покинули Хайфу, договорившись между собой о том, что станем сражаться за победу веры и родины, и убивать англичан и евреев, потому что они захватили нашу страну». Н. ас-Саади сообщал и о том, что отряд, в который он входил, вырос из созданной аль-Кассамом в Хайфе «тайной организации». В нее, как он замечал, «принимали молодежь из числа верующих и готовых умереть за страну» [аль-Хут, 1981, с. 320–323].

В «тайную организацию» (и в «отряд») входили, если использовать выражение палестинского исследователя, «только трудящиеся», в ней не было тех, кого она называла «образованным классом». «Трудящимися» были продавец керосина, угольщик, сварщик листового железа для постройки лачуг на окраинах Хайфы. В беседе (состоявшейся в

марте 1973 г. в Бейруте) с палестинским исследователем адвокат плененных полицией членов отряда аль-Кассама сообщал ей, что «шейх считал трудящимися сбившихся с пути (*аль-мунхарифин*), он верил в то, что удальство вора или убийцы может превратиться в революцию (*ас-саура*), если они поверят в джихад во имя Господа».

Эта поздняя точка зрения подтверждалась свидетельством газеты «Фалястын», опубликовавшей 23 ноября 1935 г. беседу с захваченным полицией членом отряда аль-Кассама. Им был Хусейн аль-Баер, говоривший корреспонденту этого издания: «Раньше я воровал и совершал разные мерзости (*мухаррамат*). Это продолжалось до тех пор, пока со мной не встретился покойный шейх Изз ад-Дин аль-Кассам, [чтобы] учить меня молитве и отвращать от противного. Какое-то время тому назад покойный шейх взял меня с собой в горы рядом с моей деревней. Там он дал мне винтовку. Я спросил его: “Зачем это?” Он ответил: “Для того, чтобы ты вступил на путь джихада”».

21 ноября 1935 г. люди, подобные членам организации, составили костяк траурной демонстрации. «Аль-Джамиъа аль-ислямийя» писала 25 ноября 1935 г., что они принесли клятву верности (*аль-бейъа*) тому, в ком они видели своего лидера: «Если арабы Палестины разочаруются в справедливости, то тогда каждый из них станет Изз ад-Дином аль-Кассамом» [Milton-Edwards, 1999, p. 13].

В преддверии восстания 1936–1939 гг. возникала ситуация, когда арабо-палестинское руководство уже не могло всецело контролировать свое сообщество. Характеризуя политический курс муфтия А. аль-Хусейни, американо-палестинский автор подчеркивает: «Амин (аль-Хусейни. — *Г. К.*) сталкивался с политической дилеммой, которая была для него неразрешима: как продолжать сотрудничество с Великобританией, противостоя ее просионистской политике, и как более эффективно противостоять сионистам. В 1920-е гг. его противостояние сионистам принимало форму петиций, делегаций, акций мирного протеста и набора националистической риторики. Но эти методы все более выглядели как несостоятельные, а сам муфтий становился объектом нараставшей критики» [Mattar, 1988, p. 51].

Действия аль-Кассама были выражением критики курса иерусалимского муфтия «снизу», знаменуя вступление в палестинскую политику выходцев из широких групп арабского населения. Эти люди считали, что «еврейская иммиграция достигла опасного предела, и создание сионистами еврейского государства в Палестине — всего лишь вопрос времени». Аль-Кассам был одним из тех, «кто больше не хотел ждать» [Ibid., p. 67–68.]. Его выступление, как писал 7 января 1936 г. в газете «Аль-Джамиъа Аль-ислямийя» председатель Арабской палестинской партии Джамаль Аль-Хусейни, «было революцией против всех нас» [аль-Хут, 1981, с. 323].

Слова Дж. аль-Хусейни не были данью уважения человеку, казалось бы, объединившему своей гибелью все арабо-палестинское сооб-

щество. Его статья явилась признаком того, что в преддверии восстания 1936–1939 гг. аль-Кассам становился нужен части нотаблей и действовавшим под их руководством партиям. Как отмечает израильский исследователь, выступление аль-Кассама содействовало «появлению в арабском сообществе культа вооруженных банд», а «на севере страны создавались тайные террористические общества по образцу организации аль-Кассама» [Lachman, 1982, p. 74–75.].

Восстановление контроля над начинавшимся стихийным движением заставляло элиту арабо-палестинского сообщества инициировать процесс «присвоения» аль-Кассама. Он был нужен Арабской палестинской партии, заявлявшей о том, что аль-Кассам входил в ее ряды и представлял в ее Исполкоме Хайфу [аль-Хут, 1982, с. 327]. Он был нужен Партии независимости — Иззат Дарваза, один из ее руководителей, считал возможным говорить о том, что «восставший шейх» возглавлял их хайфскую секцию [Lachman, 1982, p. 75–76.]. К кампании «присвоения» присоединялся и иерусалимский муфтий, — его ближайшее окружение сообщало, что Амин аль-Хусейни «поддерживал секретные контакты» с аль-Кассамом, санкционируя создание «тайной организации».

«Присвоение» — процесс становления маркера общенациональной памяти. Фигура, выдвинутая той или иной стратой общества, может стать частью галереи образов, объединяющих все этническое сообщество при условии ее признания иными элементами социума. Это важно в случае, когда эта фигура признается высшим слоем общества, обладающим средствами воздействия на иные его слои и формирующим историческую память. Достигался ли общепалестинский консенсус в результате провозглашения хайфского шейха человеком, поддерживавшим контакты с муфтием А. аль-Хусейни, членом Арабской палестинской партии или приверженцем Партии независимости?

Ответ на этот вопрос отрицательный. Члены «тайной организации» и много лет спустя отвергали то, что говорили прежние нотабли. В мартовском номере 1972 г. издаваемого Центром палестинских исследований Организации освобождения Палестины (ООП) журнала «Шуун фалястынийа» были опубликованы воспоминания участника «тайной организации» аль-Кассама Ибрагима аш-Шейха Халиля. Он писал: «Я, как и все еще живущие братья, совершенно точно знаю, что аль-Кассам никому не подчинялся и не был связан с какой-либо партией. …Он подчинялся только вере ислама» [Халиль, 1972, с. 269.].

Летом 1936 г. на севере Палестины были сформированы первые отряды «Братьев аль-Кассама» — *Ихван аль-Кассам*, которыми руководили члены «тайной организации» погибшего шейха. Эта группа повстанцев называла себя «*федаинами* во имя Господа, как учил аль-Кассам». Как замечает израильский автор, население деревень, куда они приходили, видели в них не «преступников» (такими их считала власть), а «благочестивых мусульман и преданных последователей шейха Аль-Кассама» [Porath, 1977, p. 183.].

Осуществлявшиеся «Братьями аль-Кассама» акции были направлены против «арабских предателей» — служащих полицейских формирований системы мандатного управления, как и тех, кто сотрудничал с органами британской власти или *ишува*. В дальнейшем же «Братья» перешли к действиям против английских армейских подразделений и еврейских поселений в Галилее и Самарии. Основными районами их дислокации и партизанской деятельности стали окрестности Хайфы, Назарета, Дженина, Наблуса и Тулькарама, «прилегавшие к основным ареалам еврейских поселений» [Ibid., p. 189–190]. Все «Братья» носили *куфию* и *аккаль*, превратив повседневный головной убор палестинских крестьян и бедуинов в символ антибританской и антисионистской борьбы.

Оценивая роль «Братьев» в контексте событий 1936–1939 гг., израильский автор подчеркивает: «Роль *кассамитов* (курсив мой. — *Г. К.*) в ходе восстания была по-настоящему значительна. Из их рядов вышли самые известные и наиболее авторитетные командиры» [Ibid., p. 301]. Инициатива вооруженного сопротивления переходила к выходцам из радикальных кругов арабо-палестинского сообщества, представлявших не только командиров партизанских отрядов (ведущей силы восстания в Галилее), но и молодое поколение семей традиционных нотаблей (в числе которых Дж. аль-Хусейни и И. Дарваза).

Однако если Изз ад-Дин аль-Кассам и обретал черты «национального» героя, то это имело отношение только к части арабо-палестинского сообщества. Значительные же его слои не считали возможным вставать под знамя сторонников радикализма — ими были обеспеченные группы населения средиземноморского побережья и крупных городов «внутренней Палестины», видевшие в восстании катастрофу и стремившиеся к восстановлению союза с Великобританией. Политическим выразителем их настроений становилось семейство ан-Нашашиби и Партия национальной обороны — их сторонники стали в годы восстания одним из объектов акций насилия.

Роль, которую в 1936–1939 гг. играл образ хайфского шейха, была по меньшей мере амбивалентна. Этот образ не только обретал черты регионального маркера (деятельность «Братьев аль-Кассама» была территориально ограничена), но и превращался в орудие раскола арабо-палестинского сообщества.

IV

В конце 1969 г. Центр палестинских исследований издал сборник документов ведущих организаций, действующих в «светской» части палестинского политического спектра. Идейное разнообразие представлявшихся этим сборником палестинских структур (ФАТХ, Народного и Демократического фронтов освобождения Палестины — НФОП и

ДФОП) не исключало единства использовавшейся ими политической риторики. Все эти структуры считали «партизанскую войну» методом противостояния «сионизму и сионистскому образованию», «империалистическим покровителям» Израиля и его «арабским феодально-буржуазным союзникам». Они говорили о «движении вооруженного палестинского сопротивления» [Basic Political Document, 1969, p. 226–227].

Речь шла не только об этом — эпоха «исчезновения палестинской идентичности», если использовать выражение американского/палестинского автора [Khalidi, 1997, p. 177], завершалась. Ее «возрождение» основывалось на образе «героя» — ФАТХ и обе другие организации видели в аль-Кассаме своего предшественника. Впервые со времени палестинской *ан-накба* — катастрофы — имя хайфского шейха осеняло борьбу за «возвращение»: «Палестинцы помнят и борются за возвращение на свою землю — их землю и землю их отцов, …память о Палестине вновь бьется в сердцах палестинцев» [Basic Political Documents, 1969, p. 9].

История реинтерпретировалась, ее героями провозглашались не «традиционные палестинские феодальные, религиозные и буржуазные лидеры», приведшие к «поражению народной революции 1936 г.», а «руководимые простым человеком Изз ад-Дином аль-Кассамом крестьяне-бедняки и рабочие». Хотя, подчеркивает составитель сборника, «движение аль-Кассама и не смогло решить ни одной из стоявших перед ним целей, оно, и стоявший за ним народ бросили вызов лидерам традиционных семей» [Ibid., p. 11–13]. Возникала идея «курса аль-Кассама»: «Вооруженная борьба — единственное средство освобождения Палестины». Следуя этим «курсом», палестинцы противостояли «Израилю, сионизму, мировому империализму и арабской реакции», веря в то, что начатая «горсткой борцов партизанская война» перерастет в «народную освободительную войну» [Ibid., p. 22–25].

Обращение к образу аль-Кассама предполагало воскрешение «национальной традиции», которую символизировали *куфия* и *аккаль*. Провозглашавшаяся всеми тремя палестинскими организациями «партизанская война» в арабском варианте этого термина использовала слово «*исаба*», становясь *харб аль-исабат*, — *банда* хайфского шейха расширялась, включая в свои ряды *весь* народ. Как и аль-Кассам, эти организации видели себя *авангардом*, *искрой*, способной воспламенить *трудящихся*. Термин же «освободительная война» был эвфемизмом *джихада*, который вел «герой» палестинского прошлого. Все три организации говорили о *мученичестве* — культ *героев-мучеников* неотъемлем от деятельности ФАТХ, ДФОП и НФОП.

Однако «присвоение» аль-Кассама не делало его общенациональным «героем». Ведущие «светские» палестинские организации, ставившие своей целью «освобождение» Палестины, опираясь на своих сторонников в *шатат* — диаспоре, в *мухайамат* — лагерях беженцев, игнорировали тех своих соотечественников, которые про-

должали жить на той территории, которую эти организации считали «землей отцов». Речь не шла лишь о «палестинцах 1948 г.», остававшихся в пределах израильской территории, — их статус граждан еврейского государства превращал их в «предателей национального дела». Вопрос касался и палестинцев с оккупированных в 1967 г. Западного берега и сектора Газа — они могли стать «свободными» благодаря действиям извне, с территорий соседних арабских стран. Лишь много лет спустя, после ухода ООП из Ливана, все эти три организации, приняв в ноябре 1988 г. Декларацию независимости Государства Палестина, заявили о «величии благословенной интифады» и о «героической стойкости *муватынун*» — жителей родины [Иъалян истикляль Дауля Фалястын, 1999, с. 13].

Обращение к образу аль-Кассама как «предтечи» того, что эти организации называли «движением вооруженного палестинского сопротивления», не объединяло палестинских «светских» националистов, поскольку они по-разному видели идею этого «сопротивления».

ФАТХ не считал возможным опираться на «социальную идеологию в эпоху, когда речь идет о борьбе против оккупантов», подчеркивая, что эта «борьба может быть лишь национальной». Его руководители говорили о том, что палестинцы «составляют класс беженцев», в рядах которого нет четкого разделения на «рабочих и крестьян» и отсутствует «буржуазия». ФАТХ мог «представлять исключительно беженцев»[3]. Апеллировавший к маоистскому варианту марксизма НФОП считал «руководство ООП мелкобуржуазным» и требовал «усвоить научную революционную идеологию» в интересах победы «радикальных классов — рабочих и беднейшего крестьянства»[4]. Точка же зрения (придерживавшегося советского варианта марксизма) ДФОП заключалась в том, что победа «идеологии пролетариата» может быть обеспечена в процессе этапа «буржуазно-демократической революции» — «освобождения Палестины», завоевывая себе позиции в рамках «общепалестинского национального единства»[5].

Для каждой из этих организаций образ аль-Кассама наполнялся определявшими их деятельность идеологическими установками.

В 1973 г. Лейла Халед писала: «Народный фронт освобождения Палестины ведет свое начало с момента, когда погиб Аль-Кассам: его поколение начало революцию, мое поколение завершит ее»[6]. «Героиня» НФОП, участница проведенных в конце 1960-х — начале 1970-х гг. акций захвата самолетов, направлявшихся в Израиль, выражала точку зрения организации, считавшей необходимым учиться опыту «антиимпериалистических сражений» во Вьетнаме и на Кубе. Связанные с ее

3 | "Abu Lutf Answers Questions". См.: [Basic Political Documents, 1969, p. 102–104].
4 | The Political Report of the Popular Front for the Liberation of Palestine (February 1969). См. [Basic Political Documents, 1969, p. 204–206].
5 | The Basic Political Report of the Democratic Front for the Liberation of Palestine (August 1968). См. [Basic Political Documents, 1969, p. 165–166].
6 | http://www.onepalestine.org/resources/articles/My_People_Shall_Live.html

именем акции были *хеппенингом*, призванным «поднять на бой» палестинцев и весь мир. В этом контексте выступление аль-Кассама также обретало черты революционного *хеппенинга*.

«Классический» марксизм ДФОП, устремленный на «завоевание» позиции «пролетарского» руководителя общенационального движения, требовал от этой организации создания всеобъемлющего исторического нарратива, способного удовлетворить всех его участников. Предлагавшаяся ДФОП портретная галерея палестинских «героев» не ограничивалась аль-Кассамом, напротив, он был ее «центральным звеном», окруженным портретом «героя» борьбы с крестоносцами и победителем в битве при Хиттине Салах ад-Дином аль-Айюби и портретами бойцов ДФОП, *героев-мучеников* группы «Таршиха»[7]. Все эти портреты вписывались в историю «палестинского сопротивления и мученичества», где присутствовали Телль-Заатар[8] и Дейр-Ясин[9], Галилея и Бейсан, призванные напоминать о *катастрофе* [Наеф Хаватме ятахаддас, 1996, с. 121].

ФАТХ был столь же красноречив. Участники его первых военизированных формирований (эпоха второй половины 1960-х гг.) называли себя *аль-Кассамийун* — «последователи аль-Кассама», а аль-Кассам провозглашался «первым командиром палестинской революции», образцом жертвенности и мужества, «зажегшим факел героического восстания 1936–1939 гг.». Он проявил «организационную и тактическую инициативу», контрастировавшую с курсом «ненасилия», проводившегося традиционным руководством арабо-палестинского сообщества [Lachman, 1982, p. 99].

Политические обстоятельства (в 1987 г. началась первая *интифада*) заставляли это движение включать в сферу «мученического героизма» *муватынун* оккупированного Западного берега и сектора Газа. Обращаясь к участникам этого *ненасильственного восстания*, лидеры ФАТХ квалифицировали их как «народ героев-мучеников — *шааб аш-шухада*», «народ восстания 1936 г.», как «внуков аль-Кассама — *ахфад аль-Кассам*» [Наеф Хаватме ятахаддас, 1996, с. 184]. Но это была лишь риторика.

Декларация независимости Государства Палестина провозглашала согласие ФАТХ принять резолюцию № 181 Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины на арабское и еврейское государства и, указывая на то, что первая интифада развивается на Западном берегу и в секторе Газа, логически приводила к мысли, что там должно возникнуть будущее палестинское государство [Иъалян истикляль Дауля

7 | Участники проведенной ДФОП в мае 1974 г. операции в израильском городе Маалот (на его месте находилась арабская деревня Таршиха). В ходе операции погибли взятые в заложники школьники.

8 | Лагерь палестинских беженцев в Бейруте, где в 1976 г. при попустительстве израильских войск вооруженные формирования христианских партий провели массовое уничтожение его жителей.

9 | Арабская деревня, жители которой в апреле 1948 г. были уничтожены членами военизированных формирований партии сионистов-ревизионистов.

Фалястын, 1999, с. 14]. Продвигаясь в 1993 г. к заключению палестино-израильской Декларации о принципах, ФАТХ соглашался с тем, что «настало время положить конец десятилетиям противостояния и борьбы и достичь взаимного признания законных политических прав»[10].

В контексте событий и мер, приводивших к созданию Палестинской Национальной Администрации (ПНА) в части территории бывшей подмандатной Палестины, рядом с Израилем, а не вместо него, образ Аль-Кассама в дискурсе ФАТХ менялся.

Махмуд Аббас, ныне — глава ПНА, говоря о той эпохе, подчеркивал: «Мы никогда не забудем погибших в битве за свободу участников и руководителей народных восстаний, таких как Изз ад-Дин аль-Кассам» [Абу Мазен, 1996, с. 9–10]. Но в 1993 г. руководство ПНА и ООП приняло требование своего партнера по мирному процессу внести изменения в основной документ ООП — Палестинскую национальную хартию (в редакции 1968 г.). Из нее исключались положения о «вооруженной борьбе как единственном пути освобождения Палестины», о «незаконности раздела Палестины и создании Израиля»[11]. Трансформация была серьезна — палестинцы, как замечал М. Аббас, были «обязаны вспомнить самыми добрыми словами муфтия Палестины (А. аль-Хусейни. — *Г. К.*)» [Там же, с. 9]. Наступало время мира, и, если аль-Кассам и был еще нужен, то только для того, чтобы стать одним из доказательств того, что страдания палестинцев и понесенные ими жертвы дают ПНА право на существование. Как говорил М. Аббас, «долгая …борьба палестинского народа …не была местью» [Там же, с. 280].

V

27 октября 1988 г., когда первая *интифада* приближалась к своему апогею, ХАМАС обратился к ее участникам с листовкой. В ней говорилось: «Наш народ! 19 ноября 1935 г. воин джихада, ученый, выпускник аль-Азхара шейх Изз ад-Дин аль-Кассам открыл новую страницу в истории героизма, мучеником которого он стал, борясь с англичанами. … аль-Кассам — символ жертвенности. …аль-Кассам — искра революции 1936 г.» [Milton-Edwards, 1999, p. 11]. События прошлого интересовали ХАМАС как оправдание противостояния его палестинским же противникам — листовка, называвшаяся «Мученик Аль-Кассам: “нет” новой Декларации Бальфура, “да” восстанию», была ответом на контакты, которые руководство *интифады* устанавливало с находившимися тогда в Тунисе лидерами ООП и Я. Арафатом. Итогом этих контактов стала Декларация независимости Государства Палестина.

10 | Иъалян мабади хауль тартибат хукума затийя интикалийя (Декларация о принципах создания автономной переходной власти). См. в: [Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын, 1999, с. 25].

11 | Нусус мавадд Аль-Мисак аль-ватаний аль-фалястыний аль-ляти туталиб Исраиль би шатбиха (Положения статей Палестинской национальный хартии, которые Израиль требует удалить). См. в: [Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын, 1999, с. 15].

Эти контакты сравнивались с Декларацией Бальфура, потому что завязывавшие их стороны более не считали возможным говорить об уничтожении Израиля, а стремились к формированию палестинской государственности за пределами существовавшей до начала июня 1967 г. линии перемирия. Это означало, что «сионисты» получали вторую «Декларацию Бальфура». Эта «новая Декларация Бальфура» выдвигалась не главой внешнеполитического ведомства Великобритании, а самими палестинцами — руководством ООП. Сорвать «предательский заговор» было можно, придав новые импульсы восстанию *муватынун* — их *интифаде*. ХАМАС обращался не к палестинской диаспоре, а к жителям *национальной* территории, к их *стойкости*. Они решали свою судьбу, аль-Кассам был их символом, а не символом беженцев — *ляджцун*.

ХАМАС говорил о *джихаде*, который вел аль-Кассам, и о том, что он был *алимом*. Он проводил четкую грань между собой как политической структурой, возникшей на «национальной территории», и организациями, вербовавшими своих сторонников за ее пределами. Он прокламировал свою приверженность религии, возвращая «присвоенному» им аль-Кассаму его статус религиозного деятеля. Если «диаспора» видела в нем «простого человека», то «национальная территория» — *законоучителя*. Там говорили открыто — аль-Кассам вел *джихад*.

Выдвинутая ХАМАС в августе 1988 г. Хартия Движения исламского сопротивления была альтернативой Палестинской национальной хартии. Определяя Палестину в пределах ее «исторических» границ — «от реки до моря», провозглашая ее *вакфом*, «врученным будущим поколениям мусульман вплоть до Судного дня», ХАМАС отвергал какие-либо компромиссы в отношении ее территории. Любая форма политического решения палестино-израильского конфликта исключалась, — это «противоречило духу ислама». Лишь *джихад* палестинцев был способен привести к крушению «сионистского образования»[12]. Идея «святости» Палестины — страны мечети аль-Акса — проникала в политику, обретая национальные оттенки. Ее и защищал аль-Кассам, точно так же, как ее защищали его последователи — члены носящего его имя военизированного крыла ХАМАС — *катаиб аль-Кассам* — «батальонов аль-Кассама». Они продолжили деяния «Братьев аль-Кассама».

Палестина, по словам члена руководства ХАМАС, приобретала «мистическое измерение», где всегда происходило «столкновение цивилизаций». Развивавшееся на ее территории противостояние не было «политическим конфликтом», а «столкновением» между мусульманами и «мировым злом», а «существование Израиля» воплощало «проникновение» этого «зла» в мир ислама. Роль аль-Кассама в этом столкновении определялась как «начало мусульманского сопротивления», продолженного лидером ХАМАС, человеком «великого про-

12 | http://www.islamonline.net/Arabic/doc/2004/03/article11.SHTML

зрения» шейхом Ахмедом Ясином. Дискурс ХАМАС воскрешал культивировавшуюся ранее ФАТХ и его светскими союзниками по ООП идеологию *возмездия*. *Муватынун* обретали реального врага — тесно связанных с Израилем «ренегатов», представленных руководством ПНА: «Палестинская власть подчинена израильской политике и вводит в заблуждение палестинский народ», она является «просионистской» [Sheikh Jarrar, 1994, p. 161–162].

Состоявшееся в начале октября 2000 г. посещение лидером израильского блока ЛИКУД Ариэлем Шароном Храмовой горы в Иерусалиме стало поводом для начала второй палестинской интифады — *интифады мечети аль-Акса*. ХАМАС приветствовал «восстание масс», но его слова были обращены и к израильскому политику: «Спасибо, Шарон! Осквернение мечети аль-Акса вернуло нас истории!» Аль-Акса вновь обрела «значение первой мусульманской *кыблы*», а «к Иерусалиму вновь обращены взоры миллионов мусульман». «Восставшим» же ХАМАС говорил, что «наступает время освободителя Иерусалима Салаха ад-Дина аль-Айюби», когда будут «сметены» итоги палестино-израильского мирного процесса. *Аль-Кассамийун* — «Братья аль-Кассама» и *ахфад аль-Кассам* — его «внуки» уничтожат ПНА и создадут условия *невозвращения* к прошлому, при помощи *исабат аль-фидаийин* — отрядов федаинов [аль-Мустакбаль, 07.10.2000]. Защищая «оскверненную» святыню, ХАМАС придавал интифаде и своим действиям ореол Божественного повеления, попранного теми, кто пошел на «сговор» с еврейским государством. Он действовал так, как до него поступали «Салах ад-Дин аль-Айюби и шейх Изз ад-Дин аль-Кассам».

«Присвоенные» ХАМАС образы прошлого вновь раскалывали палестинское сообщество. 15 июня 2007 г. одетые в *куфии* члены «батальонов аль-Кассама» осуществили вооруженный мятеж в секторе Газа, следуя «курсом шейха Аль-Кассама и шейха Ясина»[13]. Это было логическое завершение интифады мечети аль-Акса, когда каждая из противоборствующих группировок обрела собственное поле политического действия — Западный берег в случае ФАТХ и сектор Газа — ХАМАС.

Миф аль-Кассама вновь разъединил палестинский социум, оставаясь предметом бесчисленных манипуляций, когда этот образ монополизируется той или иной группой политического действия. Это происходит потому, что любая из палестинских элитарных групп стремится к насильственному завоеванию господства над собственным сообществом, а вовсе не к достижению согласия с теми, кто также представляет интересы ее соотечественников.

13 | http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=423965&issueno=10428

Источники и литература

Basic Political Documents, 1969 — Basic Political Documents of the Armed Palestinian Resistance Movement. Selected, Translated and Introduced by Leila S. Kadi. Beirut, Palestine Liberation Organization Research Center, 1969.

Benvenisti, 2000 — *Benvenisti M.* Sacred Landscape. The Buried History of the Holy Land from 1948. Berkeley: University of California Press, 2000.

Khalidi, 1997 — *Khalidi R.* Palestinian Identity. The Construction of Modern National Consciousness. N.Y.: Columbia University Press, 1997.

Lachman, 1982 — *Lachman S.* Arab Rebellion and Terrorism in Palestine 1929-1939. The Case of Sheikh Izz al-Din al-Qassam and his Movement // *Kedourie E., Haim S.* (Eds.). Zionism and Arabism in Palestine and Israel. L.: Frank Cass, 1982.

Mattar, 1988 — *Mattar F.* The Mufti of Jerusalem. Al-Hajj Amin Al-Husayni and the Palestinian National Movement. N.Y.: Columbia University Press, 1988.

Milton-Edwards, 1999 — *Milton-Edwards B.* Islamic Politics in Palestine. L.–N.Y.: I. B. Tauris Publishers, 1999.

Porath, 1977 — *Porath Y.* The Palestinian Arab National Movement. From Riots to Rebellion. Vol. II. 1929-1939. L., Frank Cass, 1977.

Sheikh Jarrar, 1994 — *Sheikh Jarrar B.* The Future of the Islamic Movement's Relation with the Transitional Authority // Challenges facing Palestinian Society in the Interim Period. Jerusalem: Jerusalem Media & Communication Center, 1994.

Абу Мазен, 1996 — *Абу Мазен (Махмуд Аббас)*. Путь в Осло. М., 1996.

аль-Хут, 1981 — *аль-Хут Б.Н.* Аль-Киядат ва-ль-муассасат ас-сийасийа фи Фалястын. 1917-1947 (Политические лидеры и институты Палестины. 1917-1947 гг.). Бейрут, 1981.

аш-Шариф, 1985 — *Аш-Шариф М.* Тарих Фалястын аль-иктысадий аль-иджтимаъий (Социально-экономическая история Палестины). Бейрут: Дар Ибн Халдун, 1985.

Носенко, Носенко, 1977 — *Носенко В.И., Носенко В.И.* Вооруженное выступление Изз ад-Дина аль-Кассама (из истории палестинского национально-освободительного движения) // Арабский Восток и Магриб. М., 1977.

Халиль, 1972 — *Халиль И.Ш.* Рисаля мин муджахид кадим: зикрийят ан аль-Кассам (Письмо старого бойца: воспоминания о аль-Кассаме) // Шуун фалястынийя. Бейрут, 1972, № 52.

Иъалян истикляль Дауля Фалястын, 1999 — Иъалян истикляль Дауля Фалястын (Декларация независимости Государства Палестина) // Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын (Демократический процесс в Палестине). Аль-Кудс (Иерусалим), 1999.

Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын, 1999 — Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын (Демократический процесс в Палестине). Аль-Кудс (Иерусалим), 1999.

Наеф Хаватме ятахаддас, 1996 — Наеф Хаватме ятахаддас (Наеф Хаватме рассказывает). Иъадад ва хивар Имад Надаф / Сост. и интервью Имада Надафа. Дамаск–Бейрут, 1996.